

И. Е. Барыкина

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА И ЛИЧНОСТЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III: ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Одной из особенностей истории внутренней политики монархического государства является ее персонификация. История Российской империи не стала исключением. Свойственная каждому царствованию модель управления определяется исследователями как «политика такого-то императора» и под этим определением входит в научную литературу. Однако не всегда это означает, что речь идет о именно личности самодержца, которая зачастую представляется весьма схематично, лишь с течением времени вырисовываются отдельные детали, создавая целостный образ.

В настоящей статье предпринята попытка проследить эволюцию конструирования образа императора в историческом знании. Хронологические рамки выбраны не случайно: это время активного развития экономической и политической жизни, когда российское общество увлек бурный поток модернизации. Особенности характера и деяния российских монархов конца XIX — начала XX в. имели большое значение для судеб России, поскольку в это время с особой остротой встала проблема включения страны в процесс кардинальных изменений всех сфер жизни общества. При том, что вектор развития страны имел одно общее направление, фигуры императоров Александра II и Александра III представляли разительное противоречие, которое отмечали и современники, и историки. В историографии сложился определенный стереотип: консервативная политика и контрреформы Александра III противопоставляются либеральному курсу и реформам Александра II. Преемник находится в оппозиции к предшественнику. Однако современные реконструкции прошлого, открывая новые пласты культурной памяти, вносят уточнения в эту картину.

Первая попытка определить место и роль монарха в истории государства предпринималась сразу после его кончины — в некрологах. В этом жанре литературы не было места для критики и деталей частной жизни, некрологи традиционно изобиловали фразами об «ореоле славы» и «беспристрастном суде истории». Тем не менее, в них делался акцент на основные направления и результаты деятельности монарха. На этом фоне выделяются речи и статьи, появившиеся в первые месяцы после кончины Александра III.

В. О. Ключевский, председатель Императорского общества истории и древностей российских, в речи, произнесенной на заседании Общества, обозначил два аспекта царствования Александра III: мирное развитие внешней политики и покровительство монарха отечественной исторической науке¹. И если первый аспект реконструирует политическую деятельность монарха, то второй больше относится к частной жизни. Фигура Александра III предстает в этом некрологе более сложной, чем привычный образ монарха в литературе этого жанра. Обладая царственным обликом, российский самодержец не скрывал своего предпочтения жизни частного человека и предпринимал попытки совместить ее с государственной деятельностью. Эта особенность Александра III не осталась незамеченной современниками, в том числе, В. О. Ключевским, читавшим курс истории среднему сыну Александра III — Георгию.

О государственной деятельности императора Александра III отозвались, одновременно с Ключевским, представители различных течений российского общественного движения.

Позиция консервативного лагеря была выражена в речи К. П. Победоносцева, произнесенной в заседании Императорского Русского исторического общества 6 апреля 1895 г. Помимо покровительства деятельности Общества, обер-прокурор Св. Синода выделил главные, с точки зрения консерватора, черты монарха: охрана «русского, историей завещанного, интереса», «веру и любовь к Церкви Православной» и уверенность в «непоколебимом значении» самодержавной власти².

Подробный разбор мероприятий внутренней и внешней политики царствования Александра III со стороны либерального лагеря был дан К. К. Арсеньевым. Выпускник Училища правоведения, получивший известность как юрист и публицист, К. К. Арсеньев подошел к анализу царствования Александра III с позиции правоведческого подхода. Статья, помещенная в «Вестнике Европы» в декабре 1894 г., дает представление о законодательных инициативах правительства и обращает внимание привлечением огромного пласта фактического материала, иллюстрирующего выводы автора о несостоятельности политики «народного самодержавия»³.

Не обошел вниманием кончину самодержца революционно-демократический лагерь. Обзор царствования Александра III был опубликован Г. В. Плехановым в немецкой газете «Vorwärts» через месяц после кончины монарха⁴. Особый интерес представляют рассуждения Плеханова о союзе самодержавной власти и российской буржуазии, которые автор называет «октроированной конституцией». Знание российской действительности и анализ внутривнутриполитических процессов, направленных на консервацию монархического режима и пришедших в противоречие с процессом модернизации, позволил теоретику марксизма сделать справедливый вывод о непрочности самодержавного строя: «Целых тринадцать лет Александр III *сеял ветер*. Николаю II предстоит помешать тому, чтобы *буря разразилась*. Удастся ли ему это»⁵.

---

¹ Памяти в бозе почившего Государя Императора Александра III. Речь, произнесенная в заседании Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете 28 октября 1894 г. Председателем Общества В. О. Ключевским. Б.м., б.д.

² Победоносцев К. П. Сочинения. — СПб., 1996. — С. 168.

³ Арсеньев К. К. За четверть века (1871—94). Сборник статей. Пг., 1915. С. 600—615.

⁴ Плеханов Г. В. Сочинения. Т. XXIV. М. — Л., 1927. С. 161—168.

⁵ Там же. С. 168.

Таким образом, сразу после окончания царствования были подведены его итоги и выделены характерные черты. Однако все названные выше публикации еще не давали всестороннюю оценку, не принимая во внимание биографию и характер самодержца.

Как правило, по прошествии нескольких десятилетий после кончины монарха появлялось подробное описание его жизни и царствования. Биографом Александра III стал С. С. Татищев⁶. Как указывал сам историк, его задача сводилась к тому, чтобы «составить точный и по возможности полный, прагматический свод событий» царствования⁷. Жизнеописание воссоздавало ход событий, являясь необходимым, но не исчерпывающим элементом конструирования образа.

Сюжеты российской истории второй половины XIX века, отмеченной нарастающей динамикой политического процесса, привлекли внимание исследователей уже в начале следующего, XX столетия. А. А. Корнилов посвятил минувшему периоду специальный курс истории, три главы которого относятся к царствованию Александра III⁸. Историк начал с периода наследничества, поскольку подготовка и воспитание определяли характер будущего царствования. Одна из лучших биографических статей, посвященных императору, была опубликована в Военной энциклопедии издательства И. Д. Сытина⁹. В ней представлена картина обучения наследника, его военной службы (в том числе и в Русшукском отряде в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг.) и участия в государственной деятельности в период наследничества (например, при организации помощи пострадавшим от неурожая в 1867 г.). Энциклопедическая статья указывает на «долгие колебания» Александра III при выборе пути развития России после воцарения, характеризует основные мероприятия его политического курса. Не остались без внимания и личные качества императора: «прямолинейность убеждений», «твердость и неуступчивость», «простота и обходительность» в частной жизни.

Новый импульс изучению внутренней политики Российской империи второй половины XIX в. дала революция 1917 г., открывшая архивы различных ведомств. Историки получили возможность исследовать документы государственные и личные, в том числе членов царской семьи. Воспользовался этой возможностью и Н. Н. Фирсов (1864–1934), выпускник, а позднее профессор Казанского университета, в 1929–1931 гг. возглавлявший Музей пролетарской революции, располагавшийся в Зимнем дворце (преемником этого музея является Музей политической истории в Санкт-Петербурге). По дневникам Александра III Н. Н. Фирсов предпринял опыт характеристики монарха¹⁰. Он воссоздал картину воспитания и образования, семейную жизнь и государственную деятельность. Несмотря на тенденциозность, обусловленную эпохой, в статьях Фирсова сквозь негативное отношение к личности монарха проступают верно схваченные черты его образа.

Личность Александра III в реконструкции Н. Н. Фирсова значительно проигрывала образу его отца. В глаза историку бросились орфографические ошибки в дневниках

---

⁶ Татищев С. С. Император Александр III. Его жизнь и царствование. (Рукопись). РГИА. Ф. 878. Оп. I. Д. 4.

⁷ Татищев С. С. Александр II. Его жизнь и царствование. — М., 2010. — С. 6.

⁸ Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. — М., 2004. — С. 731–781.

⁹ Военная энциклопедия. Т. 1. — М., 1911. — С. 276–282.

¹⁰ Фирсов Н. Н. Александр III. Личная характеристика частью по его неизданным дневникам // Былое. 1925. № 1. С. 85–108.

наследника престола, а затем императора. Во многом это объяснялось небрежностью в воспитании великого князя, которого поздно начали готовить к будущей деятельности. Н. Н. Фирсов сделал вывод о невежестве монарха, который «на всю жизнь остался полуграмотным человеком». Историк утрировал консерватизм Александра III, сведя его к формуле «тащить и не пущать», однако верно уловил «архаичное» отношение императора к неограниченной царской власти, стремление поддерживать незыблемость ее основ.

Дневники Александра III дали историку множество деталей частной жизни, которые Н. Н. Фирсов также стремился использовать для создания отрицательного образа. Приписывая монарху узость мышления, Фирсов отмечал, что «семейные интересы были одним из самых существенных, которыми жил Александр Александрович, будучи наследником российского престола». Семейные радости, связанные с рождением детей, Фирсов противопоставлял тяжелой внутривластной ситуации в стране, по его мнению, в такой сложный период глава государства не имел права сосредотачиваться на семейной жизни. Здесь исследователь верно подметил тягу Александра III к частной жизни, но сделал из этого факта несправедливый по отношению к монарху вывод. Смысл дневниковых записей императора, которыми наполнены статьи Фирсова, искажается благодаря комментариям историка. Так складывался образ недалекого человека, от воли которого зависела судьба государства. Эту тенденцию унаследовала советская историография.

Выдающийся представитель советской исторической науки, П. А. Зайончковский, посвятил личности Александра III отдельную главу монографии по истории внутренней политики конца XIX столетия¹¹. В ней фигура императора представлялась традиционно для отечественной историографии середины XX в. Историк подчеркивал «тупость», «упрямство», «примитивизм ума» Александра III. При этом Зайончковский не отказывал монарху в здравом смысле, которым тот «руководствовался иногда» «в делах внешней политики». Историк остановился на деталях частной жизни монарха, уделяя место его читательским интересам, правда, представляя их такими же примитивными, как и ум императора. Однако П. А. Зайончковский заметил связь частной жизни и государственной деятельности, объясняя антигерманские настроения Александра III влиянием его жены, императрицы Марии Федоровны, датской принцессы, не простившей Германии отторжения от Дании в пользу Пруссии и Австрии Шлезвига и Голштинии.

Новые штрихи к портрету самодержца добавляют воспоминания современников. Публикация этих свидетельств началась еще в конце XIX в. Проходило несколько лет после кончины монарха, и в исторических журналах появлялись воспоминания людей, встречавшихся с ним. Мотивы обращения к прошлому объяснила А. П. Бологовская, автор воспоминаний о детстве императора Александра III, опубликованных в № 1 «Исторического вестника» за 1914 г.: «воспоминания эти так мне дороги, что жаль было предать их гласности. Теперь же, на старости лет <...> невольно переношишься в далекое прошлое <...>»¹². Публикации, относящиеся к различным сторонам частной жизни и государственной деятельности монархов помещались на страницах «Русской старины»,

¹¹ Александр III и его ближайшее окружение // Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). — М., 1970. — С. 35–46.

¹² Бологовская А. П. Воспоминания о детстве императора Александра III // Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. — СПб., 2001. — С. 41–46.

«Русского архива», «Исторического вестника». С 1920-х гг. стали выходить отдельными изданиями воспоминания и дневники государственных деятелей, в первую очередь тех, кто весьма критично относился к действиям императоров¹³. В настоящее время издание мемуарной литературы расширяется, публикуются источники, до того времени находившиеся в архивах¹⁴. Нельзя не упомянуть о мемуарах графа С. Д. Шереметева, не так давно увидевших свет и представляющих взгляд человека, близкого императору¹⁵.

Обзор источников вошел в многотомное справочное издание 1970-х — 1980-х гг. под ред. П. А. Зайончковского, ставшее ценным подспорьем для историков¹⁶. Это направление библиографии получило продолжение в начале нынешнего столетия изданием биобиблиографического справочника «Российская императорская фамилия», подготовленного Ю. А. Кузьминым¹⁷. В 2013 г., к 400-летию призвания на российский престол Михаила Федоровича Романова, Ю. А. Кузьмин разместил на сайте Российской национальной библиотеки электронный иллюстрированный биобиблиографический справочник «Дом Романовых. 1613–1917 гг.»¹⁸. Помимо кратких справочных статей, посетители сайта могут посетить электронные ресурсы, посвященные монархам, и просмотреть коллекцию изображений, создающих наглядное представление о самодержцах.

К мемуарной литературе в настоящее время добавляются публикации произведений эпистолярного жанра: активно издается родственная переписка Александра III в период наследничества и царствования¹⁹.

Продемонстрировать различные ракурсы, освещающие деятельность самодержца, позволяют официальные документы и содержащиеся в них маргиналии — пометы монарха. Они характеризуют манеру высказываться, присущую императору, и его отношение к событиям. На эту характеристическую черту обратили внимание еще первые публикаторы документов, в поле зрения которых попали всеподданнейшие доклады. Обзор содержания всеподданнейших докладов по Главному управлению по делам печати за 1865–1909 гг. и самих резолюций монархов был представлен в статье сотрудника Института русской литературы В. В. Буша, написанной в 1919 г.²⁰ Исследо-

---

¹³ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. I; Дневник Е. А. Перетца, государственного секретаря (1880–1885). М.; Л., 1927; Дневник государственного секретаря А. А. Половцова в 2 тт. Т. I. 1883–1886. Т. II. 1887–1892 гг. М., 1966; Ламздорф В. Н. Дневник 1891–1892. М.; Л., 1934. Его же. Дневник 1894–1896. М., 1991.

¹⁴ Дневники императора Николая II. М., 1992; Кривенко В. С. В Министерстве двора. Воспоминания. СПб. 2006.

¹⁵ Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001.

¹⁶ История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. Под ред. П. А. Зайончковского. В. 13 тт. М., 1976–1989.

¹⁷ Кузьмин Ю. А. Российская императорская фамилия. 1797–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2005.

¹⁸ <http://www.nlr.ru/>

¹⁹ «Буду свято исполнять Свой долг» // Источник. 1993. № 1. С. 39–50; Из переписки Александра Александровича Романова и его супруги Марии Федоровны // Вопросы истории. 2000. № 4–5. С. 117–135; «Нет спокойствия ни физического, ни морального»: Письма Александра III императрице Марии Федоровне. 1891–1892 гг. // Исторический архив. 1994. № 3. С. 149–167; Письма императора Александра III к наследнику цесаревичу великому князю Николаю Александровичу // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. IX. — М., 1999. — С. 213–250.

²⁰ Буш В. В. Всеподданнейшие доклады по Главному управлению по делам печати. 1865–1909 гг. Обзор содержания // Периодическая печать и цензура в Российской империи в 1865–1905 гг. Система административных взысканий: Справочное издание. — СПб., 2011. — С. 348–355.

ватель подробно остановился на маргиналиях Александра III, который имел привычку высказывать то, что думал. Эта черта императора проступает в дневниковых записях В. Н. Ламздорфа, помощника министра иностранных дел Н. К. Гирса, воспроизведшего в своем дневнике монаршие резолюции²¹. Появившиеся в последние время публикации источников проясняют происхождение этой особенности самодержца. Дневник Н. П. Литвинова, воспитателя великого князя Александра Александровича, представляет шестнадцатилетнего подростка, воспитанием которого пренебрегали, несдержанного и резкого по отношению к окружающим²². Наставнику удалось сгладить, но не устранить издержки воспитания, а абсолютная власть позволила этой черте проявиться вновь уже у императора Александра III.

По мере исследования источников назревала необходимость в более отчетливом представлении о правительственной деятельности второй половины XIX в., в первую очередь о проведенных реформах и контрреформах, потребовалось объяснение мотивов и результатов действий власти. Во второй половине XX в. появились работы, авторы которых ставили перед собой задачи показать ход внутривластного процесса, вскрыть действия и намерения правительства.

Вектор исследований конца XX в. наиболее точно был определен в названии коллективной монографии «Власть и реформы» сотрудников Санкт-Петербургского Института истории РАН, актуальность которой подтвердило переиздание книги, сразу ставшей библиографической редкостью²³. В сборнике представлен процесс развития российского государства в ракурсе реформаторской деятельности и потенциала власти. В главах, посвященных Александру III, Б. В. Ананьич рассмотрел ситуацию, сложившуюся в правительстве после 1 марта 1881 г. и противостояние различных политических сил в процессе выработки «нового курса» самодержавия²⁴.

Обращение к личности монарха было предпринято в публикации трудов участников конференции «Дом Романовых в истории России», состоявшейся в Санкт-Петербургском университете в июне 1995 г.²⁵ Доклады охватывали различные стороны взаимоотношений в сфере власти, в том числе, взаимоотношения Александра II и его преемника накануне смены царствований²⁶. Образ Александра III стал приобрел более выпуклые очертания, сквозь ход политических событий проступили чувства и эмоции тех, кто в них непосредственно участвовал.

Еще одним направлением конструирования образа монарха в прошлом столетии стала музейная работа. Она развернулась после революции 1917 г. в бывших императорских дворцах. Завершенную картину удалось создать сотрудникам гатчинского музея, резиденции императора Александра III. После кончины монарха хозяйкой дворца осталась его вдова Мария Федоровна, и поэтому интерьеры жилых помещений не претерпели серьезных изменений. Революция застала их почти в том же виде,

²¹ Ламздорф В. Н. Указ. соч.

²² Из дневников Н. П. Литвинова 1861–1862 гг. // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. — М., 2002. — С. 443–536.

²³ Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. Изд. 1-е. СПб., 1996. Изд. 2-е. М., 2006.

²⁴ Ананьич Б. В. Новый курс. «Народное самодержавие» Александра III и Николая II // Там же. С. 338–416.

²⁵ Дом Романовых в истории России: [Материалы к докл. конф., 19–22 июня 1995 г. СПб., 1995.

²⁶ Ананьин Б. В., Ганелин Р. Ш. Александр II и наследник накануне 1 марта 1881 г. // Там же. С. 204–213.

в каком они остались в 90-х гг. XIX столетия. В 1917 г. была начата работа по созданию музейной экспозиции под руководством первого директора В. П. Зубова, потомка графа П. А. Зубова, фаворита императрицы Екатерины II и одного из участников заговора против Павла I. Свою задачу директор музея видел в том, чтобы «восстановить эпохи Николая I, Александра II и Александра III, независимо от их эстетического достоинства, как исторический документ»²⁷. В июне 1918 г. на посту директора В. П. Зубова сменил В. К. Макаров, выпускник историко-филологического факультета петербургского университета, хранитель гатчинского музея. Ему приходилось постоянно противостоять намерениям советского правительства продать за границу наиболее ценную часть коллекций, а гатчинский дворец «потерял» за это время свыше 100 тысяч экспонатов.

Несмотря на это, в музее шла насыщенная научная работа. В мае 1918 г. дворец впервые открыл двери для посетителей. В 1930-е гг. сотрудники музея разработали экскурсионные маршруты «Павловская Гатчина», «Комнаты Николая I и Александра II», «Парадные приемные Александра III», «Комнаты семьи Александра III» и «Выставки из фондов Гатчинского дворца», а фотограф М. А. Величко в 1938–1940 гг. создал фотогалерею экспозиций.

После Великой Отечественной войны долго шла реставрация, и интерьеры Гатчинского дворца-музея были торжественно открыты для посетителей в 1985 г. Восстановительные работы продолжаются во дворце и в настоящее время. Однако жилые помещения Александра III и его семьи в музее не представлены. Сотрудники дворца-музея подготовили альбом, в который вошли материалы из научного архива Гатчинского музея-заповедника «Гатчина»: довоенные экскурсионные маршруты и фотографии, сделанные М. А. Величко. Современный читатель может «пройти» по жилым помещениям, занимаемым императором и его семьей, а в рабочем кабинете «встретить» самого хозяина (ощущение присутствия создавалось благодаря манекену, воспроизводившему фигуру императора, играющего на геликоне — это было одно из любимых увлечений монарха)²⁸. Известно, что император любил небольшие комнаты, фотографии «оживляют» этот факт, открывая перед зрителем интерьеры помещений Арсенального каре дворца, наполненные вещами стиля модерн. Этот альбом реконструирует образ Александра III в соответствии с замыслом первого директора музея В. П. Зубова — «как исторический документ».

Важную роль в формировании нового методологического подхода к конструированию образов монархов сыграли исследования американского ученого Р. С. Уортмана. Исследователь сосредоточил свое внимание на «символике и образности церемоний», рассматривая императорский двор как «непрекращающееся театральное действие, театр власти», главным назначением которого была презентация правителя и наделение его «сакральными качествами»²⁹. По мнению историка, у каждого российского императора был свой «индивидуальный способ» презентации, для обозначения которого Уортман ввел понятия «императорский миф» и «сценарий власти». Согласно его трактовке, в царствование Александра II «сценарий власти» постепенно трансформировался, пре-

²⁷ Зубов В. П. Страдные годы России. — М., 2004. — С. 44.

²⁸ Астаховская С. А., Шукурова А. Э. Гатчинский дворец. Страницы истории музея. Фотоальбом. СПб., 2007.

²⁹ Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. Авторизованный пер. С. В. Житомирской. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. М., 2004. Пер. И. А. Пильщикова.

зентуя все больше единение не с дворянством, а народом. Новый союз красной нитью проходил через «сценарии» последних российских самодержцев: у Александра III как «воскрешение Московии» и Николая II как «демонстрация набожности».

«Сценарии власти» и «императорские мифы», описанные Уортманом, включали в себя сферу повседневной жизни монархов (вступление в брак, рождение и воспитание детей), и взаимоотношения с подданными, ближайшим окружением, механизмы управления. Воссоздавая императорские презентации, историк использовал методы семиотического анализа, сосредоточив свое внимание на языке жестов, архитектурной и живописной атрибутике, символике церемоний, литературных и документальных текстов.

Издание работы Р. С. Уортмана в России положило начало переносу акцентов в исследованиях отечественных историков с позитивистского поиска причинно-следственных связей на культурологическое объяснение исторического процесса (в первую очередь, процесса государственного управления).

Проблема изучения репрезентации образа монарха, как технологии управления, была поставлена в повестку дня работой Г. В. Лобачевой «Самодержец и Россия: Образ царя в массовом сознании россиян (конец XIX — начало XX веков)» (Саратов, 1999). Объектом исследования не случайно оказалось царствование Александра III, когда власть перенесла точку опоры с дворянства на народные массы. Выбор исторического периода обусловил и особенности подбора источников: помимо документов, периодики, дневников и мемуаров привлечен фольклор (исторические и обрядовые песни, сказки). К несомненным достоинствам исследования можно отнести подробную историографическую главу, в которой автор подверг анализу этапы изучения феномена «восприятия верховной власти народом»³⁰. Г. В. Лобачева не обошла вниманием и статьи Р. С. Уортмана, предшествовавшие изданию его фундаментального труда.

В книге Г. В. Лобачевой выделены несколько аспектов монархического идеала в массовом сознании, мифологизировавшем образ царя: «носитель традиционного идеала «правды», «средоточие власти, освященной Господом», «отец народа». На этом мифе народное сознание основывало право обращения каждого подданного к верховной власти, апелляции к самодержцу как к последней инстанции в поисках справедливости»³¹.

Современные историки выделяют и другую особенность самодержавной модели управления — феномен «высочайшей воли»³². Проблема автономности действий монарха поднималась еще первыми публикаторами документов государственных деятелей. В предисловии к дневнику В. Н. Ламздорфа историк Ф. А. Ротштейн сформулировал вопросы, которые встают перед исследователем государственной деятельности императора Александра III: «Чем он руководствовался в своих суждениях и решениях? Каким влияниям и воздействиям подвергался он в своем персональном окружении? К каким советникам прислушивался?»³³.

Ответ на этот вопрос могут дать сборники документов. Это направление конструирования образа монарха, появившееся сравнительно недавно, раскрывает

---

³⁰ Лобачева Г. В. Самодержец и Россия: Образ царя в массовом сознании россиян (конец XIX — начало XX веков. Саратов, 1999. С. 5–36.

³¹ Там же. С. 112–113.

³² Долбилов М. Д. Рождение императорских решений: монарх, советник и «высочайшая воля» в России XIX в. // Исторические записки. 2006. № 9 (127). С. 5–48.

³³ Ламздорф В. Н. Дневник 1891–1892. С. IX.

различные стороны жизни и деятельности императора, предоставляя читателю возможность самостоятельно прийти к выводам о роли личности в истории. Среди сборников документов выделяется серия «Государственные деятели России глазами современников». Том, посвященный Александру III, был подготовлен В. Г. Чернухой. Сборник открывается вступительной статьей составителя³⁴, в которой сформулирован выбранный историком подход к личности монарха. В. Г. Чернуха поставила перед собой задачу показать монарха в разных обстоятельствах и глазами разных людей. В издании собраны свидетельства современников, находившихся в разной степени близости к монарху и дававших разные, зачастую противоположные оценки его действиям. Это позволяет представить палитру мнений, полную разнообразных оттенков, подчас противоречивых, рисующих яркими мазками портрет самодержца. Вступительная статья, предваряя знакомство читателя с документами, вводит его во внутренний мир самодержца, несущего бремя власти, осознающего тяжесть этой ответственности, но при этом испытывающего чувства частного человека. Автору удалось передать это противоречие, «вдохнуть жизнь» в конструируемые образы.

Углубляясь в хранилища культурной памяти, историческое знание подвергается корректировке. Сегодня противостояние царствований Александра III и Александра II и личностей монархов не представляется однозначно оппозиционным. Современные исследователи оценивают политику Александра III «намного сложнее, чем только консервативная или либеральная»³⁵, видят в не столько контрреформы, сколько «корректировку курса» своего предшественника³⁶, а «упрощенная трактовка личности этого российского императора встречается все реже»³⁷.

Фигура человека, стоящего у кормила власти, всегда вызывает большой интерес. Конструируя образы монархов, историческое знание ищет ответ на вопрос: что представляет собой государственный деятель? Какими чертами он должен обладать? При каких обстоятельствах появиться? Включение в научный оборот новых источников выявляет особенности личности более отчетливо, и историческое знание наполняется новым содержанием. В этом процессе многое зависит от исследователя, его способности реконструировать ситуацию, воспроизвести в своем сознании чувства и мысли исторического персонажа, создать целостный и «живой» образ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьич Б. В. Новый курс. «Народное самодержавие» Александра III и Николая II // Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. — М., 2006. — С. 338–416.

---

³⁴ Чернуха В. Г. Александр III // Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. — СПб., 2001. — С. 5–40.

³⁵ Чернуха В. Г. Император Александр III: его жизнь и характер, политика и ее оценка // Кафедра истории России и современная историческая наука. СПб., 2012 (Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. III). С. 610.

³⁶ Андреев В. Е. Семейный конфликт (к вопросу о взаимоотношениях императора Александра III и великого князя Константина Николаевича) // Император Александр III и императрица Мария Федоровна. Материалы научной конференции. — СПб, 2006. — С. 17.

³⁷ Там же. С. 5

2. Ананьин Б. В., Ганелин Р. Ш. Александр II и наследник накануне 1 марта 1881 г. // Дом Романовых в истории России: [Материалы к докл. конф., 19–22 июня 1995 г. — СПб., 1995. — С. 204–213.
3. Андреев В. Е. Семейный конфликт (к вопросу о взаимоотношениях императора Александра III и великого князя Константина Николаевича) // Император Александр III и императрица Мария Федоровна. Материалы научной конференции. — СПб., 2006. — С. 5–22.
4. Арсеньев К. К. За четверть века (1871–94): Сборник статей. — Пг., 1915. — С. 600–615.
5. Астаховская С. А., Шукурова А. Э. Гагчинский дворец. Страницы истории музея. Фотоальбом. — СПб., 2007.
6. Бологовская А. П. Воспоминания о детстве императора Александра III // Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. — СПб., 2001. — С. 41–46.
7. «Буду свято исполнять Свой долг» // Источник. — 1993. — № 1. — С. 39–50
8. Буш В. В. Всеподданнейшие доклады по Главному управлению по делам печати. 1865–1909 гг. Обзор содержания // Периодическая печать и цензура в Российской империи в 1865–1905 гг. Система административных взысканий: Справочное издание. — СПб., 2011. — С. 348–355.
9. Вестник Европы. 1894. Декабрь. Внутреннее обозрение.
10. Витте С. Ю. Воспоминания. — М., 1960. — Т. I.
11. Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. Изд. 1-е. — СПб., 1996. — Изд. 2-е. — М., 2006.
12. Военная энциклопедия. — Т. 1. — М., 1911.
13. Дневник Е. А. Перетца, государственного секретаря (1880–1885). — М.; Л., 1927
14. Дневник государственного секретаря А. А. Половцова в 2 тт. Т. I. 1883–1886. Т. II. 1887–1892 гг. — М., 1966.
15. Дневники императора Николая II. — М., 1992.
16. Долбилов М. Д. Рождение императорских решений: монарх, советник и «высочайшая воля» в России XIX в. // Исторические записки. — 2006. — № 9 (127). — С. 5–48.
17. Дом Романовых в истории России: [Материалы к докл. конф., 19–22 июня 1995 г. — СПб., 1995.
18. Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). — М., 1970.
19. Зубов В. П. Страдные годы России. — М., 2004.
20. Из дневников Н. П. Литвинова 1861–1862 гг. // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. — М., 2002. — С. 443–536.
21. Из переписки Александра Александровича Романова и его супруги Марии Федоровны // Вопросы истории. — 2000. — № 4–5. — С. 117–135
22. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах / Под. ред. П. А. Зайончковского. — В 13 тт. — М., 1976–1989.
23. Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. — М., 2004.
24. Кривенко В. С. В Министерстве двора. Воспоминания. — СПб., 2006.
25. Кузьмин Ю. А. Российская императорская фамилия. 1797–1917. Биобиблиографический справочник. — СПб., 2005.
26. Ламздорф В. Н. Дневник 1891–1892. — М.; Л., 1934.
27. Ламздорф В. Н. Дневник 1894–1896. — М., 1991.
28. Лобачева Г. В. Самодержец и Россия: Образ царя в массовом сознании россиян (конец XIX — начало XX веков. — Саратов, 1999.
29. Мемуары графа С. Д. Шереметева. — М., 2001.
30. «Нет спокойствия ни физического, ни морального»: Письма Александра III императрице Марии Федоровне. 1891–1892 гг. // Исторический архив. — 1994. — № 3. — С. 149–167.
31. Памяти в бозе почившего Государя Императора Александра III. Речь, произнесенная в заседании Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете 28 октября 1894 г. Председателем Общества В. О. Ключевским. — Б.м., б.д.

32. Письма императора Александра III к наследнику цесаревичу великому князю Николаю Александровичу // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. IX. — М., 1999. — С. 213–250
33. Плеханов Г. В. Сочинения. — Т. XXIV. — М.; Л., 1927.
34. Победоносцев К. П. Сочинения. — СПб., 1996.
35. Татищев С. С. Император Александр III. Его жизнь и царствование. (Рукопись). РГИА. Ф. 878. Оп. I. Д. 4.
36. Татищев С. С. Александр II. Его жизнь и царствование. — М., 2010.
37. Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. — М., 2002. Авторизованный пер. С. В. Житомирской. Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. — М., 2004. Пер. И. А. Пильщикова.
38. Фирсов Н. Н. Александр III. Личная характеристика частью по его неизданным дневникам // Былое. — 1925. — № 1. — С. 85–108.
39. Чернуха В. Г. Александр III // Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. — СПб., 2001
40. Чернуха В. Г. Император Александр III: его жизнь и характер, политика и ее оценка // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. — Т. III. — СПб., 2012.
41. <http://www.nlr.ru/>